

28-го числа двенадцатого лунного месяца, новогодняя атмосфера на улицах чрезвычайно сильна, и бизнес Иньлоу также чрезвычайно горяч, что полностью доказывает, что Бяньцзин действительно является самым богатым городом в мире, не говоря уже о том, что чиновники и широкая публика тратят большие деньги.

Выглянув за дверь, Линь Цинъюй повернулся и сказал: "Давайте вернемся". Боюсь, что такими темпами товар будет распродан, как только пройдет этот год". При мысли о том, что товар будет отправлен пополам, Линь Цинъюй не захотел приносить сюда ценные вещи.

Ян Чжао вернется в Хэйшуйгуань первым, после того как несколько лет спустя побеседует с ним. За это время он все еще имеет некоторые достижения в Бяньцзине, но он получил некоторые поставки и привилегии от военного министерства, но я не знаю, в чем разница. Когда бы я тебя ни увидел, я буду **** каждую ночь, как будто втираю ее в кровь.

"Уйди с дороги".

Услышав шум, доносящийся спереди, его карета отъехала в сторону, Линь Цинъюй открыл несколько занавесок и выглянул наружу.

Это была команда людей Ляо, сильных и могучих.

Первые несколько человек были знакомы, но кто такой Гу Суй?

Линь Цинъюй опустил занавески и знал, что это не обычный человек, но он не ожидал, что он из Ляо! Если бы это было известно раньше, золото бы ему не отдали!

Конная команда очень организованно, медленно проехала мимо кареты.

После того, как конная команда проехала, Линь Цинъюй попросил Ин Шисаня сразу же отправиться домой. Бесполезно было сожалеть о том, что уже сделано, и бессмысленно встречаться с теми, кто расстался. Важно вернуться и приготовить пельмени.

В канун Нового года во внутреннем дворе семьи Линг было очень оживленно. Ин Тринадцатая купила много фейерверков и готовила блюда, как будто на кухне текла вода.

29-го числа Хань Мянью раздал всем зарплату и красные конверты, а затем отпустил их по домам.

На кухне лежали полусырые овощи, а во дворе их осталось совсем немного.

Так что посуда, похожая на воду, на кухне появилась из рук Линь Цинъюя, Янсая, Ян Чжаохэли, Хань Мянью, Тринадцатого, Сум Сесабуру, и его собственных рук. Естественно, он не делал каменную кладку, он просто пил.

Рабочий стол стоит на большом столе за пределами кухни. Хотя погода еще холодная, здесь тепло от печки, и много тазиков с углем. Двор нагрелся.

Линь Цинъюй был очень подавлен тем, что блюда, приготовленные единственной женщиной, были худшими по виду и вкусу, даже Се Сабуру не мог с ним сравниться.

"К счастью, у вас женское хозяйство!" сказал Се Сабуру, глядя на пельмени, которые завернул Линь Цинъюй.

"Почему?" спросил Линь Цинъюй, потрогав муку на своем лице.

"Ты не умеешь вышивать и готовить, и ты не знаешь, что должна уметь женщина. Если ты выйдешь за кого-нибудь замуж, то умрешь с голоду, или тебя отправят на пенсию". Се Сабуро долгое время не общался с культурой Да Чжоу, но эти основные принципы все же понял, дао.

"Ты - мертвый ребенок! Я талантливый человек, который отвечает за тебя, разве ты не знаешь? Небеса будут превзойдены людьми!" Линь Цинъюй постучал себя по голове.

"Ты все еще такая свирепая! В тебе нет ничего такого, как должна выглядеть женщина, берегись, ты никому не нужна!" Се Сабуро сказал неубедительно, насколько мила японская женщина, она не говорит громко!

"Разве есть кто-то, кто хочет тебя контролировать? В любом случае, сейчас не твоя очередь!" Линь Цинъюй снова стукнул его по голове.

"Ты возглавил меня, у меня доброе сердце, благородные нравы, я буду управлять домом и зарабатывать деньги. Где мне найти такую хорошую женщину? Она пока никому не нужна!" сказал он и постучал Се Сабуро по голове.

"Ты так себя расхвалил? Ты - спекулянт!" - сказал возмущенный Се Сабуро. Люди, которые грабят повсюду, говорят, что у них благородная мораль?

"Это правда. Благородный характер можно убрать.

В любом случае, мы не плохие парни". Линь Цинъюй посмотрел на Небесного Дао, а затем накрутил уши Се Сабуро и сказал: "Даже если я морально испорчен, мне нравится извлекать выгоду из мелочей. Я же ваш спаситель! Какое отношение я должен иметь к спасителю? Скажи мне".

"Спасительная милость - это ничего взамен, поэтому я могу согласиться только со своим телом". Прохладный голос прозвучал у входа во двор.

"Ты слышал, это нормальное мышление!" Он тут же согласился, а Линь Цинъюй обернулся и спросил: "Кто ты!".

Во дворе даже Хань Сянь поднял свою скалку.

Янь Сань не сдвинулся с места, но равнодушно спросил: "Что ты делаешь?".

Человек у входа во двор был наполовину скрыт в тени, высокого роста, а его серебристо-серая одежда тускло блестела в лунном свете.

"Кто он?" Линь Цинъюй повернулся, чтобы спросить Янь Саньдао.

"Но менее чем за четыре года ты забыл чистое?" Человек у двери вышел из тени, летящие густые брови, пара интровертных глаз, спокойный темперамент, но проявляющийся след власти, вот так шаг за шагом Медленно шел к Линь Цинъюю.

Кончик меча Ин Шисаня слегка шевельнулся, Янь Сань заблокировал его и улыбнулся: "Ты не сможешь остановить меч Дакся Лу".

"Лу Яо?" Линь Цинъюй на мгновение задумался, затем посмотрел на человека перед ним, который был на голову выше его самого, и был очень спокоен. Он внимательно посмотрел на него и улыбнулся: "Действительно Лу Яо".

Лу Яо глубоко вздохнул и тайно сказал: "Не злиться, злиться на нее - значит быть виноватым! Повернув голову к Се Сабуро сказал: "Ты ошибаешься, когда говоришь, что ей некого просить, а я ее зять".

"Ах!?" Се Сабуро открыл глаза, обошел вокруг Янь Саня и Ян Чжао, а затем с трудом произнес: "Слушайте вы всякую чушь! Я тебя никогда не видел, ты сам выкрутился!"

"Я не говорил вам, она спасла мне жизнь, и мне нечем за это заплатить. Естественно, я могу обещать только своим телом". легкомысленно сказал Лу Яо.

Лицо Лин Цинъюя было сухим и потрескавшимся.

Се Сабуро не отпустил ее и с усмешкой сказал Лу Яо: "Ты должна пообещать свою жизнь, чтобы спасти жизнь. Она спасает всех людей здесь. Она боится, что во время путешествия на лодке не будет сотни спасенных ею людей. Цянь, она должна завербовать?".

Этот медвежий ребенок, но как хорошо сказано! Линь Цинъюй улыбнулся, притянул Лу Яо к себе и сказал: "Не надо знакомиться с детьми. Просто слуги в доме в отпуске, и никто не готовит. Ты не забыла свое ремесло".

Лу Яо развязал шпагу на поясе, снял плащ и закатал рукава. Он легонько махнул Се Сабуро и сказал: "Я иду".

Посмотрев на выражения Янь Сана и Ян Чжао, Хань Мянью отложил скалку и сказал: "Сначала я сделаю чай".

Су Му посмотрел на Ин Тринадцатую и спросил глазами: это или то?

Ин Тринадцатая ответила ему: Что я знаю? !

Оба они посмотрели в сторону Хэ Ли, а он был единственным представителем их поколения! Хэ Ли потрогал свой нос и сказал: "Я принесу немного сухофруктов". Промелькнуло.

"Откуда ты знаешь, что мы здесь?" спросила Линь Цинъюй.

Лу Яо посмотрел на нее и ничего не сказал. Он знал от Лунмэня, что она приедет в Бяньцзин, потому что ему нужно было уладить кое-какие дела, и он приехал в Бяньцзин несколькими днями позже. Когда он приехал, то услышал ошеломляющую информацию о женщине-главе семьи Линг. Другие об этом не знали, но Ян Чжао знал. В его сердце защемило сердце. Он прождал день у серебряного здания дома Линга, а затем последовал за Хань Янем, чтобы найти этот двор. Он боролся еще один день, независимо от того, придет он к ней или нет. Из-за ее характера, боюсь, я забыл обо всем этом, но некоторые вещи можно подавить, если не думать о них. Чем больше я думаю об этом, тем больше я не могу это подавить. Я просто хотел посмотреть на улицу.

, Но призрак вошел через стену, она хотела просто молча стоять за стеной, но она была так счастлива и так гармонична с этими людьми, как будто он остался один снаружи, поэтому она не могла не подхватить его. Приговор.

Мастерство Лу Яо не регрессировало, наоборот, он стал более прилежным. Кусок бекона нарезается невидимым ножом так тонко, как будто он прозрачный.

"Неправильно! Бекон должен быть толстым и жирным!" воскликнула Линь Цинъюй.

После того, как она несколько раз крикнула, Лу Яо медленно пришел в себя, как будто он все еще был в маленьком дворике, как будто он все еще был на Фэншене, как будто он все еще был на острове сокровищ. Положение, в которое он вернулся после стольких лет, было просто положением старого друга.

"В чем дело?" спросил Линь Цинъюй, видя, что его глаза покраснели.

"Это такое острое, что это?" Лу Яо указал на чили и коснулся уголка своего глаза. От порошка чили на его руке внезапно выступили слезы.

"Чили! Не ел его! Ты увидишь, какой он вкусный, позже!" торжествующе сказал Линь Цинъюй.

"Ты заболел?" небрежно спросил Лу Яо, вытирая глаза рукавом. Снаружи ходили слухи, что глава семьи Линг пытался спасти женщину, которая прыгнула в озеро, и она чуть не умерла от тяжелой болезни.

"Это еще не сделано, Цинъюй, иди в дом и отдохни". легкомысленно ответил Ян Чжао.

"Хорошо." Линь Цинъюй взяла две кастрюли с жареными блюдами и радостно пошла в дом.

"Я не останусь надолго, не волнуйся". Лу Яо насыпал овощи в горшок, не поворачивая головы назад.

Стол, полный блюд, был приготовлен в мгновение ока. Когда Лу Яо вошел в комнату, Линь Цинъюй сжимал кусок бекона и запихивал его в рот. Когда он вошел, то улыбнулся и сказал: "Лу Яо, твое ремесло действительно не прикрыто. Когда ты перестанешь быть героем, приходи и стань поваром для меня".

С взглядом, похожим на сеть ножей, Лу Яо спокойно ответил: "Хорошо".

Все его презирали, просто взорви его, разве ты не станешь героем?

"Подходите и подходите, все в сборе, садитесь быстрее, давайте сначала выпьем первый стакан, я желаю вам всего наилучшего в Новом году!" Линь Цинъюй встал и поднял свой бокал.

Увидев, что она тоже готова выпить, Янь Сань тут же забрал у нее бокал с вином и сказал: "Ты не можешь пить, рана еще не зажила".

"Теперь можно выпить немного ее травмы". Ши Фан сказал с улыбкой, уже выпив несколько чашек.

Линь Цинъюй угрюмо улыбнулась и сказала: "Безопасно и спокойно, я пью чай". Забудь об этом и превратись в напиток.

"Что болит?" спросил Лу Яо.

"Мальчик, разве ты не знаешь, как опасно было в то время, в моей груди была большая дыра! Если бы не мои навыки каменной медицины, сравнимые с Хуа Туо, эта девушка умерла бы на борту". Ши Фан уже был небольшого роста, и похлопал Лу Яо по плечу. Тао.

"Кто это сделал?" Лу Яо спросил Янь Саня. Если ты можешь перечить Янь Сань и напасть на нее, то это должен быть мастер.

"Уже мертв". Янь Саньдао.

Лу Яо сжал руку под столом в кулак, но перестал спрашивать, если бы он все еще был на лодке, Янь Сань естественно не охранял бы его, но он уже был в реках и озерах, что еще он мог сделать.

"Ладно, не говори об этих неприятных вещах, иди поешь, подожди, пока мы устроим фейерверк". Линь Цинъюй постучал по столу и сказал. Лу Яо уже уехал, поэтому нет необходимости больше вмешивать его и семью Линг. У него своя карьера и свой мир. Когда они встречаются, все радостно разговаривают и расходятся по своим делам.

Когда пришло время забирать сына, Ин Тринадцатый запустил фейерверк во дворе, и в небе Бяньцзина зажглись бесчисленные фейерверки.

Огненное дерево серебристо цвело, небо сияло.

Се Сабуро и Су Му последовали за Ин Шисань и Хэ Ли, чтобы запустить петарды и фейерверки во дворе, и время от времени смеялись. Ши Фан держал бокал с вином и отводил их в сторону. Хань Мян с улыбкой прислонился к креслу.

Стоя у двери, Линь Цинъюй одной рукой держал Ян Чжао, а другой - Янь Саня. Он посмотрел на процветающее небо и тихо сказал: "Я только хочу, чтобы каждый год был сегодняшним, а каждый год был настоящим".

Перед рассветом Лу Яо молча ушла, не попрощавшись с Линь Цинъюй, которая была уже в сонном состоянии. Когда Линь Цинъюй проснулся на следующий день, он спросил Янь Саня: "Почему мне вчера приснился Лу Яо?".

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2523157>